

ДЖАНЫЛ МЫРЗА

Сказание
о девушке-богатыре

ПЕРЕВОД
ИРИНЫ ВОЛОБУЕВОЙ

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Фрунзе • 1958

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

«Джаныл-Мырза» — это эпос киргизского народа.

В эпосе отражены героические подвиги киргизской легендарной девушки Джаныл.

Сильная, ловкая, смелая, она храбро защищает свой народ от врагов, жестоко расправляется с теми, кто посягает на её свободу и человеческое достоинство.

Необычайная физическая сила этой девушки сочетается с организаторскими способностями вождя и полководца. Народ, во главе которого стоит Джаныл, дружен и трудолюбив. В сказании описываются быт, обычаи, богатырское искусство киргизского народа.

Художник *В. Г. Рогачев*

Я — акын Молдо Баымбет
Взял комуз послушный в руки,
Чтобы спеть про богатыршу,
Про нойгутов древний род.
Пусть о девушке-батыре,
О её чудесной силе
Песнь слушает народ.
О Джаныл-Мырзе бесстрашной
Пусть молва летит повсюду,
Словно брызги вешних вод.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

*О бесстрашной Джаныл-Мырзе
и о сватовстве Турсуна*

Был отец Джаныл бесстрашной
Из прославленного рода,
Был из племени нойгутов,
Был по имени Койгут.
У предгорья, над рекой,
Говорят, стоял аил
Тот, в котором вырастала
Знаменитая Джаныл.

Много слёз и горя было
Людям этого аила
От соседей-калмыков;
Часто грабили нойгутов
Ночью полчища врагов.

Говорят, что дочь Койгута
Подросла и стала править
Всей страной, в которой было
Шесть старинных городов.

И была Джаныл красивой,
Грозной, сильною и смелой,
Ростом — выше всех подруг.
Как джигит, носила стрелы,
С тетивой тугою лук.
Никогда во всём Кашгаре
Ни один не знал аил,
Чтобы кто-нибудь отважней,
Чтобы кто-нибудь сильнее
Был красавицы Джаныл.

Говорят, с врагами биться
Шла бесстрашная, как львица,
Отстояла честь нойгутов,
Защитила край родной.
Во главе с Кара-Камбулом
Калмыки, как будто птицы,
Отлетели от Кашгара;
Сотни их не устояло
Перед девушкой одной!

Так была Джаныл отважна,
Так ловка и так сильна!
С кем она б ни состязалась
Из прославленных джигитов,
Побеждала всех она.

Если гневалась Джаныл,
То рукам её могучим
Прибавлялось больше сил.
Кто не верил этой силе,
Тот не раз наказан был.
Наступавшие соседи
Еле ноги уносили
От красавицы Джаныл.
И при имени отважной
Прошибал врагов озноб.
...Потому зажили мирно
В городах своих нойгуты
У реки с названьем Лоп.

Кто к отцу не приходил
Сватать смелую Джаныл!

Приходили и герои,
И отважные джигиты,
Приходили сватать беки,
Хан с поклоном приходил,
Но, не слушая влюблённых,
Всех с позором прогоняла
Своенравная Джаныл.

И со знатными из знатных
Эта девушка-тигрица
Обходилась так же круто:
Предводителей киргизов,
Предводителей калмыков
Унижала дочь Койгута.

Хан Турсун, батыр кашгарский,
Очарован ею был.
Но едва руки коснулся
Грозной девушки Джаныл,
За такую дерзость он
Смертоносною стрелою
Был безжалостно сражён.

Говорят, когда явился
Он посвататься к Джаныл,
Оскорблённая невеста
Всполошила всю страну.
Говорят, её джигиты
Извели людей Турсуна
И разграбили у хана
Скот его и всю казну.

Сам Турсун — джигит достойный —
Был отважен и силен,
Был решителен и грозен,
Был красив и был умён.
На Джаныл решив жениться,
Он вперёд искусных сватов
К гордой девушке послал,
Он надел наряд богатый,
Кобылицу оседлал.
И, приехав к богатырше,
Ей с почтением сказал:

«Солнца свет, Джаныл-Мырза,
Ты—храбрейшая из храбрых,
Ты—Киргизии гроза!
Ты—умнейшая из умных,
Что задумаешь—исполнишь,
Ты, Джаныл, умело правишь
Всей Кашгарскою страной.
Но тебе помощник нужен,
Друг надёжный и советчик.
Может, будешь ты согласна
Стать, Джаныл, моей женой?
Никогда не пожалеешь,
Если замуж за Турсуна
Ты, красавица, пойдёшь!
В одиночестве на свете
Всё равно не проживёшь!

Отказать, прогнать Турсуна
У тебя ведь нет причин.
Ты любовь со мной узнаешь,
Силу преданных мужчин.
Зря ты вздумала хвалиться
Тем, что, мол, пленить не сможет
Ни один тебя джигит.
Ты умна, но твой характер
Иногда, Джаныл, дурит.
Коль подумаешь, то скажешь,
Что согласна быть со мной.
Коль подумаешь — решишься
Стать, Джаныл, моей женой.

И ответила Джаныл:
«Нет на свете человека,
Чтоб такую богатыршу
Победил и покорил!
Я любить могу того лишь,
Кто меня в бою сильнее!
Потому, Турсун, не буду
Я подругою твоей!
Грозной силой мы с тобою
Если даже и равны.
Ты получишь только право
Называть меня сестрою.

Но тебе, Турсун, придётся
Возвращаться без жены». У
разгневанной Джаныл
Брови сдвинулись. И вдруг,
Сев на чёрного коня,
На ходу схватила лук,
Натянула тетиву,
Глаз прищурила, и вмиг
С кобылицы на траву
Мёртвым прохнулся жених.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

*О том, как Джаныл
погубила двух богатырей*

Так жила Джаныл на свете,
Славясь гордостью своей.
Та же участь постигала,
Что и бедного Турсуна,
Всех, которые влюбляясь,
Предлагали сердце ей.

Для Джаныл всего дороже
Были лук и острый меч.
На коне летя горячем,
Всем Джаныл внушая ужас,
Проносилась, словно смерч.

Говорят, она творила
Много зла и много бед.
О её жестокой силе,
О её делах бесстрашных.
Много есть у нас в аилах
Сказок, песен и легенд.

Всем Джаныл была по сердцу,
Но не люб ей был никто.
По горам она бродила
И, беспечно развлекаясь,
То подбросит в небо шапку,
На лету в неё стреляет,
Превращая в решето,
То свой лук натянет туго
И стрелу лететь заставит
К белоснежным облакам,
И, не дав упасть на землю,
Вдруг её другой стрелою
Рассекает пополам.

Как джигит, крутого нрава
Эта девушка была.
И везде ходила слава
О её геройской силе,
О невиданных делах.

Вот прослышали об этом
И на землях Андижана:
Ульбюрчок — герой отважный
И силач — батыр Бургуй.
Про Джаныл услышав вести,
Размечтались о невесте.
Оседлав своих коней,
Поскакали оба к ней.

А Джаныл-Мырза гуляла
В это время у реки.
Вот приблизились джигиты
И красавицу-нойгутку
Окружили смельчаки.

Увидав перед собою
Наступающее войско,
Не молила о пощаде
Черноглазая Джаныл,
Не бежала, не металась,
Звать на помощь не пыталась,
У реки гостей незваных
Храбро встретила Джаныл.

Натянула лук свой туго,
И от ливня острых стрел,
Метко пущенных в пришельцев,
Ясный полдень почернел.

Андижанцы вместе с войском
Отбивались, как могли.
Кровь, дымясь, текла рекою.
Наконец, не в силах биться,
Женихи на поле боя
Оба рядом полегли.

Ну, а те, кто был в живых,
Все оплакивали их.
И, когда они вернулись
Побеждённые домой,
Причитала над Турсуном
Безутешная жена:

«Ненаглядный сокол мой,
Никогда не оседлаешь
Ты гнедого скакуна!
Не попался б ястреб в сети,
Долго б жил ещё мой светик
С наречённою своей!
Ты покрыл себя позором.
Для чего ж ты в бой ввязался
С той, которая на свете
Всех грозней и всех сильней!?

Не попался б, голубь, в яму,
Если б глаз ты не закрыл!
Зря ты брать задумал в жёны
Беспощадную Джаныл!
Ты вдовой меня оставил,
Ты народ в беде оставил,
Землю ты свою оставил
Из-за бешеной Джаныл!
От её руки жестокой
Ты погиб, мой белый сокол!
Никогда не оседлаешь
Ты гнедого скакуна...»
Над убитым причитала
Безутешная жена.

Так Джаныл-Мырза сгубила
Двух джигитов молодых...
И народ у нас в аилах
Вспоминает с грустью их.
Место пастбищ, за холмами,
Их назвали именами.
И прозрачный родничок,
Что сверкает меж камнями,
Стали люди в честь погибших
Звать: «Бургуй и Ульбюрчок».

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

*О том, как погибли
два храбрых джигита*

А теперь рассказ пойдёт
О прославленном Тагае.
На вершинах Ала-Тоо
Жил его древнейший род.
Был у старого Тагая
Самый младший внук — Манап.
Силой став главою рода,
Сеял смуту меж народа,
Грабил жителей налогом,
Так в народе говорят.

Он сгонял с калмыцких пастбищ
Ночью целые стада.
Говорят, что очень много
Людям делал он вреда.
Но в сраженьях был отважен,
Свой народ водил в поход.
Потому, как о герое,
С уваженьем вспоминает
О воинственном Манапе
Весь его дальнейший род.

Внуки грозного Манапа
По его пошли стопам.
Нападая, не давали
Жить спокойно калмыкам.

Эти юноши слышали,
Что живёт в стране Кашгарской
Чудо-девушка Джаныл.
Что её никто на свете
Ни в стрелковых состязаньях,
Ни в бою не победил.

Вот Тулку — джигит отважный,
Вместе с братом Учуге,
Снарядил большое войско
И отправился в долину
К дальней пенистой реке.

Был он зол на то, что слышал
О красавице Джаныл.
«Те, кто девушку боится,
Все — отъявленные трусы!
Что б о ней ни говорили,
Мы поскачем в тот аил».

Повернул он лошадь круто
И с дружиною своей
Прискакал в аил нойгутов,
Заарканил их коней.

Услыхав дурные вести,
Дерзких воинов кляня,
Грозно вздыбила Джаныл
Тёмно-рыжего коня.

Приказала всем нойгутам:
«Смело следуйте за мной!»
Захватила лук и стрелы,
Захватила меч булатный
С рукояткой золотой.

И пришельцев нагоняя,
Угрожала им Джаныл:
«Всех батыров уничтожу,
Весь поганый род Тагая,
Чтоб дорогу позабыли

В наш прославленный аил!
Разобью, лишу их крова,
Прогоню их с Ала-Тоо,
Всех за дерзость накажу!
Это тысячное войско,
Изловчусь, и без верёвок
Заарканю и свяжу!
Я проклятым этим братьям
Когти львицы покажу!»

Во главе с Джаныл отважной
Грозно двигался отряд.
И никто из всех джигитов
Повернуть не смел назад.

А пришельцы с Ала-Тоо,
Те, которые угнали
Скот нойгутов и коней,
Все дороги запрудили,
У реки расположились,
Словно в собственном аиле,
На земле чужих степей.

А когда совсем стемнело,
Над кострами взвился дым.
Пересмеивались гости:
«Здесь сегодня будет дело,
Мы нагрянем целым войском,
И гордячку победим!»

И пока они сидели,
Незаметно, неприметно
К ним приблизилась Джаныл.
Тихо сев на бугорке,
Поглядела богатырша
На Тулку и Учуге.

Эти братья-близнецы
Оба были храбрецы!
Оба были исполины,
Обладали силой львиной,
Этих братьев с Ала-Тоо
Уважал любой аил.
Каждый был красив и строен,
Каждый был из них достоин
Быть избранником Джаныл.

И вблизи, в дубовой роще,
Тихо прячась меж ветвями,
Загляделась богатырша
На красу богатырей.

Только вдруг Тулку услышал
В ближней роще лёгкий шорох.
Он ладонь к бровям приставил,
В темноту прищурил глаз.
И друзьям промолвил тихо:
«Может, тайно эта сука
Здесь выслеживает нас».

Оскорбления такого
Не смогла снести Джаныл.
«Вы меня назвали сукой!»—
Гневно крикнула Джаныл,
Тетиву тугого лука
Натянула, что есть сил.
И, прицелившись, с проклятьем,
В них пустила сотни стрел.
И плашмя упали братья,
Рядом, белые, как мел.

От руки Джаныл кровавой
Пали братья-храбрецы.
А нойгутка для забавы
Мечет смерть во все концы.
Только выглянет из юрты
Из пришельцев кто-нибудь,
Как стрела ему со свистом
Попадает прямо в грудь!

Насладясь игрою страшной,
Победив богатырей,
Захватив своих коней,
Отомстившая Джаныл
Возвратилась в свой аил.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

*О том, как родичи погибших
решили отомстить Джаныл*

джигиты с Ала-Тоо,
Вырыв чёрные могилы
От отчизны вдалеке,
В них с почётом схоронили
Прах Тулку и Учуге.
А потом домой вернулись,
И пришли к отцу погибших
Сообщить дурную весть.

Вспыхнул взор его, как пламень,
Сникла старца голова,
Как тамга на чёрный камень,
Глухо падали слова:
«О сыны мои родные,
Для чего ж я вас растил?
Как же двух джигитов храбрых
Победить смогла Джаныл!?.
Жеребята дорогие,
На беду отец несчастный
Вас обоих пережил!..
Как несправедливость эту

Бог мудрейший допустил!?.
Для чего ж мне жить на свете?
Всю любовь мою и силу
Я отдал сынам своим!»

Причитал старик несчастный,
И народ всего аила
Горько плакал вместе с ним.
К старику, сдержав рыданье,
Подошла его жена.
«Не терзайся, будь мужчиной! —
Тихо молвила она. —
В утешение остался
Сын наш младший — Кудаян.
Вышел он на свет из чрева
С кровью в сжатых кулаках.
Позаботится наш мальчик
О несчастных стариках.
Разве он не утешенье?
Не теряй напрасно сил!
Всех казахов и киргизов
Созови сюда, в аил.
Не гори в огне печали,
Посоветуйся с друзьями,
Как за смерть сынов-батыров
Отомстить змее Джаныл».

Услыхав слова такие,
Он послушно вытер слёзы.
Полегчала вдруг тоска,
Остывать как будто стало
Горе в сердце старика.

Он созвал в аил джигитов:
И казахов, и киргизов,
Всех прибывших извещил,
Что на землях у нойгутов
Сыновей его отважных
Уничтожила Джаныл.

Что она разбила войско,
Покалечила джигитов,
Угрожала всех тагайцев

Выгнать с их родимых гор.
Он сказал: «Коль мы не сможем
Отомстить за кровь погибших,
Всем нам гибель и позор!
Ждёт нас трудная дорога,
Но спасти народа честь,
Искупить позор погибших
Может только наша месть!»

И откликнулись джигиты:
Тооке привёл казахов
Десять сотен человек,
С ними прибыл и отважный
Предводитель Шырдакбек.
Восемь беков из Телека
В Андижан пришли с Алая:
Храбрый воин — Курманбек,
От народа каратейтов
С отдалённых снежных гор
Прибыл Канки и Кочкор.

Сели знатные из знатных
Меж собой держать совет.
И сказал друзьям-батырам
Тооке — герой отважный:
«Эти подлые нойгуты
Нам приносят только вред!
Там, в низине, за хребтами,
Наш разбит большой отряд.
Злая, грозная нойгутка
Наших воинов отважных
Победила, говорят.
Где б кого ни замечала,
Всех стрелой она встречала,
Всех губила, говорят.
У реки, на поле боя,
Четырёх она героев
Уложила, говорят.
Отомстим за честь погибших,
Уничтожим всех нойгутов,
Нападём на их аил!
Не вернёмся в наши горы
До того, пока рабыней
Мы не сделаем Джаныл!

* Кай
вотных.

Хватит нам вести беседы,
Ныне дорог каждый час!
Пусть отправится в разведку
Тут же кто-нибудь из нас!
Пусть в дорогу снарядится
И в аиле, там, где враг,
Разузнает, что и как».

Шырдакбек сказал батырам:
«За хребты далёких гор
Пусть от нас пойдёт в разведку
Сын Теиша, Ак-Кочкор».

Для Кочкора молодого
Привели коня гнедого,
Снарядили в путь-дорогу,
Наказали завтра утром
Возвратиться в свой аил.
Ак-Кочкора провожая,
Шырдакбек проговорил:

«Поезжай, батыр бесстрашный,
Не раздумывай, лети!
Духи наших славных предков
Охранят тебя в пути.
Если будешь ты, герой,
Осторожен с иноходцем,
Он осилит путь любой!
Злой, горячий, как огонь,
Не обычный это конь!
Под тобой тулпар крылатый,
Он рождён от Кайберена.*
Он в пути неутомим!
Ты ухаживай за ним.
Перед тем, как напоить,
Дай как следует остыть.
В холод шубою накрой
И корми его почаще
Сочной мягкой травой.

* Кайберен — мифический покровитель крупных жвачных животных.

Как прижмёт к бокам упругим
Он края бесшумных крыл,
Как тряхнёт волнистой гривой,
Это значит — он остыл.
Как заржёт тулпар твой тихо,
Как подставит ветру грудь,
Как ты шум услышишь крыльев,
Значит — вновь пускайся в путь!»

Получив благословенье,
Бойко вздыбил иноходца
Сын Теиша — Ак-Кочкор.
Подымая пыль, помчался
По дороге между гор.
И пока разведчик скачет
На коне в чужой аил,
Что же делает в то время
Знаменитая Джаныл?

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

*О том, как Ак-Кочкор
тайно проник в аил нойгутов*

А рождённая в Кашгаре
У далёких берегов,
То преследует ойротов,
То соседей-калмыков.

У неё из камня сердце,
У неё повадки львицы,
Лапы словно у тигрицы,
От неё гибель всем!
Говорят, Джаныл сильнее,
Говорят, Джаныл храбрее,
Чем силач батыр Рустем.

Жестока и своенравна,
Нет у ей по силе равной.
Этой девушки страшится
И юнец и аксакал.
Говорят, она отважней,
Говорят, куда храбрее,
Чем бесстрашная силачка —
Знаменитая Сайкал.

В тёплый день, когда нойгуты
Собирались на джайлоо,
Появился в их аиле
Незнакомец Ак-Кочкор.
Всё высматривал приезжий,
Всё выслеживал приезжий,
Затевал с людьми нойгутов
Осторожный разговор.
Ну, а позже, на закате,
Он пустился в путь-дорогу,
Никому во всём аиле
Не известный человек.
Вот приехал он на остров.
Остров этот находился
Между двух широких рек.
У развесистого дуба
Он коня остановил.
Стал спокойно дожидаться,
Чтобы конь его остыл.

И, когда рассвет забрезжил,
Напоил он иноходца
Чистой свежей водой,
Накормил он иноходца
Сочной мягкой травой.
И, когда на небосклоне
Солнце яркое всходило,
Возвратился он домой.

Вышли все к нему навстречу.
«Вот вернулся наш разведчик,
Прибыл к сроку, — говорят. —
Видно, ездил он не зря...»

Рассказал Кочкор, что слышал,
Рассказал Кочкор, что видел,
Рассказал он, что нойгуты
На джайлоо гонят скот;
Что живут они спокойно,
Что никто не нападает
На бесстрашный их народ.

Ко всему Кочкор добавил:
«Мы, покуда ястреб дремлет,
На него должны напасть.
Мы врасплох Джаныл застанем,
Ту, которая тигрицей
Всем на горе родилась.
Мы батырше руки свяжем,
Мы гордячку победим!»

Так сказал Кочкор джигитам,
И совет батыров знатных
Согласился тут же с ним.

ПЕСНЯ ШЕСТАЯ

*О том, как киргизы и казахи
снарядили войско и отправились
к нойгутам, чтоб пленить
Джаныл-Мырзу*

У реки Кара-Кырчын
Ржанье, скопище людей.
И казахи, и киргизы —
Все седлают лошадей.
Разворачивают стяги,
Приготавливаясь к битве,
Поднимают руки к небу,
Говорят слова молитвы.

Вот, построив всех джигитов
И подняв высоко флаг,
Впереди отряда скачет
Знаменитый хан Шырдак.
Позади него батыры:
И казахи и киргизы —
Славный родственный народ.
Отомстить за кровь погибших
Все отважные джигиты
Отправляются в поход.

По горам и по равнинам
Ровно пять ночей и дней
Раздавался гулким эхом
Топот взмыленных коней.
Через реки, через горы
Мчался грозный их отряд
И своим суровым видом
Всех пугал он, говорят.

Наконец отряд джигитов
В ночь приблизился к реке,
К землям, к пастбищам нойгутов.
И тогда сказал отряду
Предводитель Тооке:

«Братья, славные батыры,
Всяк из вас, наверно, знает,
Кто прозорлив и умён,
Если даже дремлет ястреб,
Слышит всё и видит он.
Нужно нам найти такого,
Чтобы в речи был искусным,
Изворотливым и хитрым,
Чтоб посланец этот был.
Что б ни в чём себя не выдал,
Как придёт в чужой аил.

Отберите двух батыров,
Двух проверенных людей.
В грязных нищенских одеждах
Посадите на облезлых,
На никчёмных лошадей.
Пусть поедут незаметно,
Пусть узнают, где Джаныл».

Войско выбрало джигитов,
И они в одежде рваной,
Будто нищие бродяги,
В тот отправились аил.

Беспрепятственно пробрались
К землям, к пастбищам нойгутов
И вошли в аил их шумный
С наступившей темнотой.

Богатырша в это время
Земляков своих созвала
И устроила им той.

Бот разведчики-«бродяги»,
Привязав своих коней,
Затерялись незаметно
Между созданных гостей.

Из толпы джигит-красавец
На коне явился вдруг.
Весь народ пред ним склонился.
Принесли батыру воду
Для мытья лица и рук.

Белокурый, белолицый,
В меховой богатой шапке,
Он на чёрном скакуне
Над толпою возвышался,
И вокруг народ держался
С уваженьем, в стороне.

Несмотря на облик женский,
Страх внушал батыра вид.
И разведчики спросили
У собравшихся нойгутов:
«Кто приехавший джигит?
Он не мелкая рыбёшка,
Не пескарь, а целый сом!
Только всё же не понятно,
Почему джигит суровый
С нежным девичьим лицом?»

И спросившему сказали:
«Разве ты, дурак, не знаешь?
Что ты вылупил глаза?
Пред тобою гордость наша,
Пред тобой — Джаныл Мырза,
Дочь отважного Койгута.
Хоть и женщина она,
Подчиняется отважной
Вся кашгарская страна.

Этот «юноша»-красавец
Небывалой львиной силы.
И никто ещё на свете
Никогда не победил
Нашу храбрую Джаныл!»

А Джаныл-Мырза, красуясь
На лоснящемся коне,
Улыбаясь разъезжает,
Всех обильно угощает.
Нет, как видно, недостатка
В жирной пище и в вине.

А разведчики-джигиты,
Что на той пробрались тайно,
Меж собою говорят:
«Хоть хозяйка нас не звала,
Нам немало перепало
Угощенья и вина.
Нам и жирный плов с изюмом,
Нам и жареное мясо
Приказала дать она!
Хорошо Джаныл встречает
Нас — непрошенных гостей!
Видно, хочется гордячке
Удивить вдруг всех на свете
Знатной щедростью своей».

* *
*

Всё разведчики узнали
И пустились снова в путь.
Мимо гор, минуя реку,
Прискакали к Шырдакбеку.

На расспросы о нойгутке
Всё джигиты рассказали:
Как Джаныл они видали,
Как у дочери Койгута
Вид отважен и суров,
Как на тое пировали;
В доказательство достали
Мясо жирное и плов.
Говорили, что нойгутка,

Видно, слишком возгордилась.
В ней видна такая сила,
Что джигитам и не снилась!
Говорят, во всём Кашгаре
Нет нигде её храбрей.
Говорят, никто на свете
Не сравнится силой с ней,

Что не зря, мол, знаменита,
Что красавице подвластен
Не один в стране аил,
Что похожа на джигита
Эта грозная Джаныл,
Что напрасно, мол, гоняли
В дальний путь своих коней,
Что войскам небезопасно
В битве связываться с ней!

Зашумел, услышав это,
Весь собравшийся народ.
«Нам ли девушку бояться?
Повернув коней обратно,
Мы навеки опозорим
Честь свою и славный род!» —

Так сказал Шырдак джигитам,
И джигиты поддержали
С уважением его.
Лошадей своих горячих
Торопливо оседлали,
Сели все до одного
И гадалщику сказали:

«Погадай-ка: хватит сил
У приехавших батыров
Победить грозу — Джаныл?»

Погадав, старик ответил:
«Как табун её коней
Вы угоните с собою,
Полетит она вдогонку
Завязать кровавый бой.
Если вы с умом, батыры,

Спрячась, станете вокруг,
То Джаныл непобедимой
Не уйти из ваших рук!»

Тооке сказал народу:
«Сын Теиша, Ак-Кочкор,
Мощной силой наделён.
Пусть навстречу богатырше
На коне поскачет он.
Пусть лицом к лицу отважно
На скаку столкнётся с ней.
Пусть испугнёт её, как птицу,
Саблей острою своей!

Грозно ринулись джигиты:
И казахи, и киргизы
На Аксай со всех сторон.
Развевается по ветру
Море пёстрое знамён.

В поздний час, у ручейка,
Повстречали старика
И подробно расспросили,
Как попасть в его аил.
И отважно поскакали
К юрте той, к жилью нойгутов,
Где спала себе спокойно
Белокурая Джаныл.

Услыхав дурные вести,
Распекать нойгутка стала
Всех охранников своих.
Лук со стрелами достала,
На коня вскочила вмиг.
И, как дикая пантера,
С криком ринулась вперёд.
И за чёрным иноходцем,
За своею богатыршей
Тут же хлынул весь народ.

Мчится горною дорогой,
Словно молния, Джаныл.
«Мало ль их иль очень много,

У нойгутов хватит сил!
Погублю и уничтожу
Тех, кто к нам на бой спешил!
Лишь тогда мне быть спокойной,
Если я на поле боя
Не оставлю ни души!

Я твою проверю силу,
Славный конь мой вороной!
Хан Шырдак с проклятым войском
Не уйдет назад живой!
Знаменитые нойгуты,
Эй вы, соколы, за мной!..

Я виновна в том, что ночью
Наших вывели коней!
Всех, кто мой народ ограбил,
Я за дерзость уничтожу
Львиной силою своей!
Я сгоню врагов к реке,
Изрублю их на скаку,
Как батыра Учуге
И отважного Тулку!»

По камням и по колючкам,
Мимо пастбищ и озёр
В предвкушеньи жаркой битвы
Мчит Джаныл по склонам гор.
Через степи, через доли,
Через зияющий овраг...
И пока она несётся,
Что же делают джигиты,
Что же делает Шырдак?

ПЕСНЯ СЕДЬМАЯ

*О том, как джигиты
поймали Джаныл-Мырзу*

Уведя коней Джаныл,
Хан Шырдак с богатырями
Сразу к делу приступил.
Приказал всему отряду,
Чтоб устроили засаду,
А бесстрашному Кочкору
Приказал скакать вперёд.
Мол, в пути Джаныл он встретит,
Налетит, как в бурю ветер,
А связать её, дикарку,
Мол, поможет весь народ.

Вдруг навстречу, через поле,
На коне своём крылатом
Мчится к ним Джаныл-Мырза.
Мечет огненные стрелы,
Словно молнии гроза.
Ак-Кочкор, летя навстречу,
Ухватил её за стан,
И попалась богатырша,
Словно хищница, в капкан.

Подбежали к Ак-Кочкору
Все герои, все джигиты,
Сколько было человек.
Похвалили Ак-Кочкора
Тоголок и Шырдакбек.

А нойгутов пощадили:
Мол, при чём же весь народ?
Пусть живёт себе в аиле,
Ведь, по сути, из киргизов
Их возник древнейший род.

«Очень было нелегко нам
Победить врага такого,—
Каждый гордо говорил. —
Словно дикая пантера,
В битве с огненным драконом,
С нашим славным Ак-Кочкором,
В поле встретилась Джаныл».

Побеждённую связали,
Отобрали все доспехи
И помчали, для потехи,
При полуденной луне,
На её же скакуне.

* *
*

Вот, подъехав к Чытыр-Кулю,
Ханы знатные сказали
Предводителю казахов,
Боевому Тооке:
«Ты в поход нас вёл, — сказали, —
За добро твоё, —сказали,—
Нашу пленницу нойгутку
Забери к себе в аил».
И тогда, в ответ на это,
Тооке проговорил:

«Разве смею я, батыры,
Увезти Джаныл в свой край,
Если есть среди нас старейший,
Почитаемый народом,
Знатный мудрый Калматай?

Справедливей будет, если
Мы ему Джаныл-силачку
В знак почтения отдадим!
Все казаху возражали,
Но, поспоривши немного,
Согласились всё же с ним.

У истоков Кен-Арпа
Разделить решил народ
Богатырши тучный скот.
Нападая на соседей,
Неустанная Джаныл
Уводила ночью с пастбищ
Их стада и табуны.
К своему сгоняла стаду
Их баранов и овец.
И соседи говорили:
«Так разбойнице и надо,
Что попалась наконец!»

Хан Толук и Шырдакбек
Табуны её делили.
Всем героям дать решили
Сотен десять лошадей.
Привели коней отличных
Боевому Тооке,
Столько ж родичам отдали
За Тулку и Учуге.
Награждённый по заслугам,
Славясь храбростью своей,
Получил Кочкор в награду
Самых лучших лошадей.

ПЕСНЯ ВОСЬМАЯ

*О том, как Калматай взял
Джаныл себе в жёны*

Калматай Карабагышский
Хоть и был годами стар,
В жёны взял себе Джаныл.
Он ей выделил аил,
Дал баранов и коней,
И как будто примирилась
Львица с участью своей.

Калматай — седой влюблённый,
Приходил с поклоном к ней.
Чтоб развлечь Джаныл-Мырзу,
Ей дарил гнедых коней,
Он устраивал пиры,
Звал джигитов для игры,
И дарил он ей кувшины
Из стекла и серебра,
Говоря, что богатырша
И сама была щедра.

Восседала богатырша
С Калматаем-стариком,
И глаза её сверкали

Невесёлым огоньком.
Только, чтобы ни случилось,
Не блестела в них слеза.
Калматай жену-рабыню
Величал: «Моя Мырза».

Говорил он: «Если б с детства
Ты б не мчалась на коне,
Не имела б львиной силы,
Хорошо б служила мне».

И ответила сердито
Черноглазая Джаныл:
«С детства я росла джигитом,
С детства мне никто не мил!»

* *
*

Сколько лет они прожили
Неизвестно никому.
Говорят, была нойгутка
Верной спутницей ему.
Говорят, она в неволе
Даже сетовать не смела
На своё житьё-бытьё.
Что ж ещё ей было делать,
Если лук, колчан и стрелы
Отобрали у неё?

Улыбалась всё же редко.
И не смея делать зла,
Как надломленная ветка,
На чужой земле жила.
Говорила: «Вот какую
Бог послал Джаныл судьбу!
Я как будто птица в клетке,
Я как мёртвая в гробу!
Счастье это иль несчастье,
Чья бы ни была вина,
Покорённая народом
Подчиниться я должна».

Но чуждалась богатырша
Праздных скачек, шумных игр.
А теперь её оставим
И расскажем, как в округе
Появился белый тигр.

ПЕСНЯ ДЕВЯТАЯ

*О том, как Джаныл
изловила тигра*

Близ аилов Андижана,
В тишине гористых мест,
Где подёрнутый туманом
Мирно дремлет чёрный лес,
Где кустарник тонконогий
И колючки ежевик,
Как-то утром у дороги
Показался белый тигр.
Сильный и большеголовый,
Стал он грозно на пути.
Он народу на джайлоо
Со скотом не дал пройти.

Кровожадный житель леса!
Крикнешь — глазом не моргнёт!
Угрожаешь — он ни с места,
Замахнёшься — нападёт!

Долго думали, гадали,
Как проклятого убить?

У Джаныл-батырши стали
Люди помощи просить.

Всем известно, что она
И отважна, и сильна,
И в охотничьем искусстве
Не сравнится с ней никто.
Пусть возмёт свой лук и стрелы,
Чтобы этот хищник белый
Превратился в решето.

Только села богатырша
На гнедую кобылицу,
В ней проснулся прежний пыл.
Все, кто был тогда в аиле,
Удивились ловкой силе
Грозной пленницы Джаныл.

Эта женщина-охотник
На вершинах Керме-Тау,
У заснеженных хребтов,
С малолетства истребляла
Диких тигров и козлов.

Только конь её подъехал
К тем местам, где скрылся тигр,
Говорит она джигитам,
Очень метко говорит:
«Видно нет меж вас, батыры,
Настоящего стрелка,
Если вы перепугались
Пасти этого щенка.
Мне в помощники не нужно
Из аила никого.
Я сама управлюсь с тигром,
Я сама поймаю тигра,
Я сама свяжу арканом
Лапы хищные его.

За добро, что я видала
От людей, у вас в аиле,
Я найду его следы!
Ваши земли и аилы

Я избавлю от беды!
Я по вашему приказу
Обвяжу арканом тигра,
Притащу его в аил.
Только б женщиною слабой
Не считали вы Джаныл!
Я хочу себе по праву
Возвратить былую славу,
Обрести хочу в бою
Силу прежнюю свою!»

По душе пришлись джигитам
Эти гордые слова.

...У стволов покрытых мохом,
Где примятая трава,
Положив на лапы морду,
Белый тигр в лесу дремал.
Не успел открыть он веки,
Как аркан его поймал.

Чтоб не вздумал он напасть,
Богатырша тигру в пасть
Заложила удила.
Злого хищника из чащи
На аркане привела.

Поразился весь аил
Ловкой храбрости Джаныл!

ПЕСНЯ ДЕСЯТАЯ

*О том, как Джаныл
убежала из плена*

Время мчится, как река,
Как по небу облака,
Вот почти что целый год
Тихо пленница живёт.
Но несчастлив Калматай.
Часто жалуется он:
«Нет в году такого дня,
Чтоб строптивая Джаныл
Не унизила меня!...»

Говорит он ей однажды:
«Если ты моя жена,
Подчиняться мне должна!
Я промок, простыл в дороге,
Разотри, Джаныл, мне ноги!

Говорит Джаныл сердито:
«С детства я росла джигитом,
Мне не дал уменья бог
Растирать подошвы ног!»

Дрогнул голос Калматая:
«Ты бродяга из Китая!
Девка нищая, зазнайка!
Свет с тобою мне не мил!..»
И ответила Джаныл:

«Ты назвал меня бродягой,
Без причины оскорбил.
Славясь храбростью орлиной,
Я пришла к тебе невинной,
Побеждённая в бою.
Чем, скажи, я заслужила
Злую ненависть твою!?

Ты меня назвал бродягой,
Девкой нищею назвал!
Для чего ж меня такую
Ты с охотой в жёны брал?!
Все, кого б ты не спросил,
О твоей жене Джаныл
Скажут верные слова,
Что Джаныл сильнее льва.
Ты же видел сам, как тигра
Я в аил приволокла!..

Я пришла с земли нойгутов,
Где меня народ мой славный
И ценил и уважал!
Ты ж бездомною бродягой
Ни за что меня назвал!..»

* * *

Только утреннее солнце
Озарило небосвод,
Разобрав поспешно юрты,
Со стадами на джайлоо
Шумно двинулся народ.
Весь собравшийся аил
По дороге запылil.

По пути смеялись, пели,
Рассуждали про Джаныл:
Всех она в аиле строже,

И на кречета похожа,
И на лошади сидит,
Так же ловко, как джигит.
Что её и почитают,
И сильнейшею считают.
Ну, а кто её не любит,
Тот плохое говорит.

Обратился к богатырше
С уважением народ:
«Мы судить тебя не будем,
Покажи искусство людям,
Как стреляешь ты из лука,
Мечешь стрелы в небосвод!

И ответила нойгутка:
«Всё, что только в жизни было,
Все забавы юных дней,
Скачки, битвы и охота, —
Всё как будто бы уплыло
Вдруг из памяти моей!
Вы меня не возвращайте
К прежней жизни молодой.
Разговорами своими
Не мутите мой покой!»

Но не слушались Джаныл
Ни юнцы, ни старики.
Видно не было им дела
До её глухой тоски.
Все нойгутку называя
«Доброй матерью своей»,
Беспрестанно умоляли
Показать своё искусство,
Показать народу ловкость,
Вспомнить славу прошлых дней...

Наконец она сказала:
«Покажу своё искусство,
Покажу былую ловкость,
Покажу, пока жива!» —
Так Джаныл-Мырза сказала
И тотчас взялась за дело.
Оседлав коня умело,

Затянула с силой, туго,
Ослабевшую подругу,
Прикрепив её к седлу.
И растрёпанную гриву
Иноходца вороного
Расчесала на ходу.
Привела в порядок сбрую,
Ловко повод удлиняя,
И попону голубую
Натянула на коня.

Лук с тугою тетивою
Прикрепила за плечом,
Привязала свой калчан,
Опоясалась мечом.
В серой кожаной одежде,
В шароварах и в рубахе,
Молчалива и строга,
Стиснув зубы, сдвинув брови,
Так она вперёд глядела,
Словно чуяла врага.

И, вскочив на иноходца,
Быстро двинулась вперёд.
Подымая тучи пыли,
Всполошила весь народ.
И кому-то из джигитов
Громко крикнула, чтоб он
Вверх свою подбросил шапку.
И взлетела эта шапка
В ясный синий небосклон.

Словно ставши молодою,
Метко, ловко, как никто,
На лету Джаныл-батырша
Ливнем стрел джигита шапку
Превратила в решето.

И опять в неё стреляла
Озорством упоена,
Чтоб на землю с небосвода,
Не могла б упасть она.
Шапка, падая, взлетала,
Как подстреленная птица.

А Джаныл опять стреляла.
Опьянённая игрою,
Не могла остановиться!

И проснулось в ней желанье
Убежать в страну родную,
Птицей вырваться из сети,
Возвратиться в свой аил.
Пусть народ опять услышит,
Пусть народ опять узнает
Об отваге и о силе
Грозной пленницы Джаныл!

И Джаныл сказала людям:
«Вы, схватив меня в бою,
Повезли в немилый край.
Оскорблял рабу свою
Мой хозяин Калматай.
Я просила Калматая
В мой аил, в страну нойгутов,
В дом родной меня вернуть.
Но к родимому народу
Он, безжалостный упрямец,
Навсегда закрыл мне путь.

Я его и упрекала,
Я его и умоляла,
То к угрозам прибегая,
То колени преклоня.
Он же злобно и сурово,
Не сказал в ответ ни слова
И не выслушал меня.

Как пришла я от нойгутов,
Ваши юные джигиты
Ту, что гордо отказала
И Турсуну, и Тулку,
Как презренную рабыню
Отвели на посмеянье
К Калматаю-старiku.

До сих пор горят от гнева
Щёки белые мои,
Как припомню, что с позором

Вы, связав меня, погнали
От родной моей земли.
Не прощу, что к Калматаю,
К этой лысой старой кляче,
На потеху привели.

Я припомнила свой кров,
Резвых, вольных скакунов,
Свой аил на берегу...
Люди добрые, прощайте,
Как орлица в тесной клетке,
Жить я больше не могу!

Я обиды вам прощала,
Я в беде вас выручала,
Тигра белого поймала,
Привела на поводу.
Люди добрые, прощайте,
Кто же может бесконечно
Жить, терзаясь, как в аду!?

Ваш негодный Калматай
Бранным словом оскорбил
Неприступную Джаныл!
Я старалась ладить с ним,
С покровителем моим.
Люди, нет моей вины
В том, что старый Калматай
Мне, Джаныл, не знал цены!

Ведь не зря с тех пор, как я
Под его попала кров,
Ваш аил не подвергался
Нападенью калмыков!
Прогневить боясь меня,
С ваших пастбищ не угнали
Ни единого коня!
Пропадал ли в ночь из стада
Хоть один у вас баран?
Что ж за это дал в награду
Ваш аил, ваш Андижан?

Калматай меня презрением
И упрёками пытал.
Калматай меня бродягой,
Девкой нищею назвал.
Я в замужестве пыталась
Тщетно горести забыть.
Калматаю покорялась,
Я по мере сил старалась
Калматаю угодить.

Но когда опять я села
На горячего коня,
Снова злость во мне вскипела
Жарче буйного огня!
И в груди моей проснулась
Сила прежняя моя!»

И в просторы гор, из плена
Понеслась Джаныл-Мырза.
Но коне её летящем
Густо выступила пена,
Мечут огненные искры
Лошадиные глаза.

Так Джаныл неслась, как ветер,
В первый раз за много лет.
А народ стоял в молчаньи
И смотрел ей долго вслед.

ПЕСНЯ ОДИННАДЦАТАЯ

*О том, как Джаныл убила
мужа Калматая*

К

ак услышал о побеге
Муж нойгутки — Калматай,
Грозно топнул, завопил:
— Все сейчас же отправляйтесь
И верните мне Джаныл!
Эта дикая нойгутка
Быть наказана должна! —

Снарядив за ней погоню,
Калматай от нетерпенья
Сам вскочил на скакуна.

Вот услышав конский топот,
К боевой, горячей схватке
Приготовилась Джаныл.
Видит — мчит на иноходце
Калматай, который львице
Ненавистным мужем был.

И, не трогая джигитов,
Уничтожить не желая
Чьей-то жизни молодой,

Старика Джаныл-джигитка
Метко ранила стрелой.
И когда, взмахнув руками,
Неуклюже он свалился
Под копыта скакуна,
Успокоилась она.

И опять помчалась степью,
По холмам, по перевалам,
Полям, тропкою крутой,
И за горным поворотом
Наконец-то увидала
Ширь земли своей родной.
Горы в солнце и долины,
Зелень листьев тополиных,
И кустарник, где ловила
Диких коз она не раз.
Сжалось огненное сердце,
И впервые у несчастной
Слёзы хлынули из глаз...

...Позади, за вешним полем,
Ненавистный, чуждый край.
Там Джаныл жила в неволе,
Там она убила мужа,
Там, со временем, назвали
Русло речки пересохшей
В память старца — «Калматай».

* *
*

Это не было иль было,
Неизвестно до сих пор.
Говорят, что богатырша
Зажила опять в Кашгаре,
У реки, меж снежных гор.
И с нойгутами своими
Берегла родной аил.
Но своё скрывала имя,
Потому что побеждённой
Люди видели Джаныл.
И себя считала вправе,
(Справедливо, может быть,)

Ни о битвах, ни о славе,
Ни о юности кровавой
Никому не говорить.

Ну, а если про Джаныл,
Кто при ней и говорил,
То она всегда молчала,
Опуская скорбно взгляд.
Свой секрет она хранила,
От людей всего аила,
Где стояли густо юрты
Много лет тому назад.

Это выдумка иль правда
До сих пор никто не знает.
Но наверно это было,
Если люди говорят.

ДЖАНЫЛ-МЫРЗА

Сказание о девушке-богатыре

(на русском языке)

перевод с киргизского
Ирины Георгиевны Волобуевой

Редактор В. А. Журавлёв
Худ. редактор А. С. Осташев
Техн. редактор Г. П. Кочетов
Корректор Н. П. Федорова

Сдано в набор 12/V 1958 г. Подписано к печати 12/IX 1958 г. Формат бумаги 84X108¹/₃₂. 0,81 бум. л. 2,67 печатн. л., 2,53 уч-из. л. Заказ № 1930. Тираж 12000 экз. Цена 2 р. 80 к.

г. Фрунзе, Типография № 1 Главиздата
Министерства культуры Киргизской ССР.